

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Ўн иккинчи йил наشري

6
1968

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания двенадцатый

ка он выступил на большом митинге в Новом Ургенче. На этом митинге более 20 женщин сбросили паранджу.

Ю. Ахунбабаев в своем выступлении призвал трудящихся женщин шире включаться в общественную жизнь, смело ломать старый быт и прежде всего покончить с безграмотностью.

Ликвидация неграмотности была одним из необходимых условий обеспечения фактического равноправия женщин. Важную роль в этом деле сыграли ликбезы. В Хорезме первые школы ликбеза открылись в 1923 г. В 1925/26 учебном году в округе насчитывалось уже 454 школы, в которых обучалось 3894 учащихся, большую часть которых составляли женщины. Для женщин открывались и специальные курсы грамоты. В 1926/27 учебном году в Хорезме действовали 12 курсов грамоты с охватом 345 женщин, а также женский педтехникум с 75 учащимися⁶.

Значительную работу по ликвидации неграмотности женщин проделал Хивинский горОНО. 8 марта 1928 г. был проведен торжественный выпуск женщин, ликвидировавших свою неграмотность. Курсы ликбеза окончили 22 женщины, из них 15 узбеков⁷.

Повышению общеобразовательного и культурного уровня женщин Хорезма во многом способствовали совпартшколы и специальные учебные заведения Ташкента и Самарканда. В 1926 г. Центральную партшколу в Самарканде окончили женщины из Хорезма Зухра Сафаева, Банат Сайдашева, Саодат Хуснутдинова (кандидаты в члены партии) и Аннахан Якубова (член ЛКСМУз)⁸.

Партийные организации придавали большое значение работе среди женского актива, особенно на селе. Этому вопросу было посвящено, в частности, специальное заседание отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК РКП(б) 10 апреля 1929 г. Средазбюро предложило направить от каждого округа по 3 активистки в Самарканд на курсы переподготовки киш-лачных кадров. В мае 1929 г. отдел работниц и дехканок Хорезмского окружкома партии командировал на эти курсы Раиму Шарипову, Бакиджан Давлетову и Хаитджан Адамову⁹.

Вовлечению женской молодежи в строительство новой жизни способствовал беспартийный союз девушек «Кашшофлар союзи», созданный в Хорезме в конце 1926 — начале 1927 г. Отделения Союза, организованные во всех районах Хорезма, действовали под руководством местных партийных организаций и женотделов.

Передовая часть женщин вовлекалась в ряды Коммунистической партии и комсомола. Только с ноября 1925 г. по 1 марта 1926 г. были приняты в кандидаты и члены партии 125 женщин Хорезма¹⁰. В 1926 г. вступили в партию Саодат Салимова, Хайят Сайдашева, Анабиби Сафаева, Айша Вансова и другие¹¹.

Партийные и советские органы уделяли огромное внимание обеспечению реального равноправия женщин в семье. Средазбюро ЦК ВКП(б) указывало: «Тот, кто мешает делу раскрепощения, кто не дает решительного революционного отпора враждебным силам, кто не борется у себя в быту с рабским положением женщины, тот идет против социализма, делает фактически не советское дело, тот не может быть в советском аппарате»¹².

5 июля 1928 г. состоялся пленум Хорезмского окружкома КП(б)Уз, заслушавший вопрос о раскрепощении женщин.

Пленум отметил успехи партийных, советских, хозяйственных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций в вовлечении женщин в промышленные и сельскохозяйственные предприятия, кооперативы, в государственные учреждения, делегатские собрания, культурно-просветительные учреждения, учебные заведения и т. д. Вместе с тем было указано на необходимость дальнейшего повышения роли женщин в хозяйственном, государственном и культурном строительстве.

Таким образом, в рассматриваемый период в Хорезме, как и во всей республике, под руководством Коммунистической партии была проделана большая работа по ликвидации фактического неравенства женщин местных национальностей и перевоспитанию их в духе активных, сознательных борцов за победу социализма.

Ш. Машарипова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ 20-х ГОДОВ

Коммунистическая партия накопила богатейший опыт идейно-политической работы в массах. На каждом историческом этапе пар-

тия творчески использовала такие формы пропагандистской работы, которые наиболее отвечали условиям конкретной обстановки. Еще в решениях X съезда партии

⁶ Курбон Беректин. Маданий курулиш вазифалари, Ургенч, 1929, стр. 5.

⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 732, оп. 1, д. 662, л. 90.

⁸ Там же, л. 4.

⁹ Там же, ф. 58, оп. 4, д. 1183, л. 3, 9.

¹⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 52, оп. 2, д. 159, л. 70.

¹¹ Инкилоб куёши, 19 сентября 1926 г.

¹² Партархив Хорезмского ОК КПУз, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 22.

«По вопросам партийного строительства» подчеркивалось, что «форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»¹.

Это указание партии имело огромное значение и для работников идеологического фронта Узбекистана 20-х годов, ибо особенности исторического, экономического и культурного развития народов Средней Азии требовали применения специфических форм идейно-воспитательной работы.

Е. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость ведения работы в Средней Азии, «применяясь к своеобразным условиям»², отыскивая «своеобразные формы»³ приобщения трудящихся бывших колониальных окраин к социалистическому строительству и воспитания их в духе коммунизма.

Партийные организации Туркестана стремились облечь свою агитационно-пропагандистскую работу в наиболее доступные и понятные местному населению формы. В этих целях широко использовались многие народные традиции и обычаи. Неслучайно в «Инструкции для агитаторов», утвержденной Туркполитпросветом 23 июля 1921 г., особо отмечалась необходимость «внимательно изучать бытовые условия местности, привычки, традиции, обычаи, нравы, мораль, развлечения и прочие явления, которых придерживается местное население»⁴.

В Узбекистане издавна существует, например, такой обычай, как «гап» (букв. «разговор», «беседа»)». Коммунистическая партия решила использовать эту традицию для проведения своей идеологической работы. Так, в марте 1924 г. ЦК КПТ издал циркуляр «Об изучении ленинизма», который предписывал всем партийным организациям республики усилить пропаганду ленинского учения и политики Коммуни-

стической партии путем проведения специальных лекций и бесед. В частности, с этой целью предлагалось использовать и «гапы» в старых городах Ташкента, Коканда, Маргилана, Самарканда. «Гап» — собрание-вечеринка, ежедневная или еженедельная среди узбеков, — указывалось в этом циркуляре, — принял за последние годы форму вечеров-ужинов и чаепитий товарищей по работе, например, рабочих-кожевников, товарищей по службе (например, в каком-либо учреждении), соседей по кварталу (махалля). Имеют свой «гап» и ответственные работники узбеки. Необходимо добиться, чтобы ответственные работники разбились по «гапам» кварталов (махалля) и провели там эти циклы бесед»⁵.

На «гапах», особенно в первые годы Советской власти, проводилась разнообразная агитационно-пропагандистская работа. В частности, коммунисты использовали «гапы» и их разновидность — «тукма» (вечеринки, организуемые вскладчину) в кишлаках Яллама, Чиназ и других для вовлечения дехкан в коллективные хозяйства⁶.

Другим методом идеологической работы партии в Узбекистане было широкое использование чайхан — традиционного места сбора людей в свободное от работы время. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК КПТ подчеркивал: «В жизни дехканских масс и старых городов чайханы играют огромную роль. Они, пожалуй, заменяют в кишлаке все общественные организации... В них создается общественное мнение деревни. Завладеть этой лабораторией общественного мнения трудящихся кишлака — одна из боевых наших задач»⁷.

Местные партийные, советские и общественные организации уделяли большое внимание развертыванию массово-политической и культурно-воспитательной работы в чайханах. Хорошо была поставлена работа, например, в одной из красивых чайхан Пскента. «Красная чайхана расположена в просторном и светлом помещении вблизи волсполкома. Соблюдается чистота, имеются плакаты на русском, узбекском, киргизском и татарском языках; аккуратно получаются газеты, проводятся громкие чтения, ведется справочная работа, а главные ответственные работники кишлака тесно связаны с последней, и красная чайхана, таким образом, действительно является общественным центром кишлака. Имеется библиотека..., есть отдельный уголок для тихого чтения, а главное, заведующий близок и авторитетен среди дехкан и последние

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7-е, ч. 1, М., Госполитиздат, 1954, стр. 516.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 329.

³ Там же.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 1140, л. 18.

⁵ «В компании «гап», — пишет Г. Наджимов, — объединялись по 15—20 или более мужчин приблизительно одного возраста. «Гапы» устраивались через одну или две недели поочередно каждым участником в своем доме и за свой счет... Во время этих встреч, наряду с угощениями, велись разговоры обо всем, начиная от вопросов политики и кончая догмами корана». (См. Г. Наджимов. Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям, Ташкент, 1965, стр. 10).

⁶ Туркестанская правда, 4 марта 1924 г.

⁷ С. М. Мирхасилов. Из истории общественного быта узбеков, Советская этнография, 1963, № 5, стр. 120.

⁸ Спутник коммуниста (орган ЦК КПТ), 1923, № 2—3, стр. 89.

всегда обращаются к нему просто и свободно⁹.

Сеть красных чайхан была создана во всех областях и районах Узбекистана. Если в 1923 г. в Туркестанской республике насчитывалось 137 красных чайхан¹⁰, то в 1925 г. в УзССР их было уже 227¹¹. В последующий период число красных чайхан еще более возросло.

В июне 1925 г. на совещании агитработников при ЦК КП(б)Уз отмечалось, что «в условиях Узбекистана есть благоприятные возможности для массовой агитационной работы; надо не забывать, что базары и ярмарки здесь, в отсталой стране, имеют большое значение для агитационной работы. Базар, ярмарка при колоссальной безграмотности является местом, где масса ждет новостей, набирается новых впечатлений и всем услышанным долго живет»¹².

Яркий пример использования базаров в агитационно-пропагандистской работе описан одним из членов политотдела агитпоезда ВЦИК «Красный Восток»: «Вот как происходили митинги, устраиваемые на каждом базаре в туманствах (Бухарской НСР. — В. К.), куда съезжается окрестное население для кули-продажи: к местам митингов собирались все, кроме тех, кто не мог поручить кому-нибудь свой товар. Тесным кольцом окружали агита-

торов и ждали от них разъяснения того нового, что вдруг нахлынуло на них... С первых же слов агитатора собравшиеся обращались в слух. И вот ораторы приступали к подробному разъяснению сущности Бухарской революции, освобождения дехканства от деспотии эмира, о Советской власти на местах и в центре, о взаимоотношениях трудящихся всех стран между собой, о взаимоотношениях Советской Бухары с Советской Россией. Митинги под конец принимали формы собеседования, ораторов засыпали вопросами, на которые приходилось отвечать по несколько раз... Митинги эти очень много дали населению, которое во многих местах впервые услышало от нас, что эмира нет, что власть теперь находится в их собственных руках. После митинга население группами расходилось, делясь впечатлениями, а агитаторы расхаживали по этим группам и вели собеседования»¹³.

Таким образом, партийные организации республики творчески использовали в своей идеологической работе народные традиции и обычаи местного населения для пропаганды идей Советской власти, разъяснения сущности и целей ее политики и социалистического перевоспитания масс.

В. М. Кандинов

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ФОНОЛОГИИ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ

В науке о языке всегда уделялось большое внимание сравнительно-сопоставительному описанию лингвистических явлений двух или более языков.

Однако сравнительно-исторический метод в прошлом ограничивался сопоставлением лишь отдельных элементов системы родственных языков. Различные элементы их, например звуки и морфемы, объединялись на основе этимологического сходства и относились к одному общему праязыку в плане диахронии.

С развитием языкознания наступил период типологического сопоставления разнотипных языков, с помощью которого удобнее обнаруживать истинные факты¹. При этом главная цель заключается в сравнении не отдельных элементов, а их систем на каком-либо уровне языка (фонологическом, синтаксическом и т. д.), что

способствует их глубокому изучению и тесной связи теории с методикой обучения².

В работах по сопоставительной фонетике обычно исходят из принципа сравнения артикуляций звуков речи, который является лишь одной из частей трехстороннего (артикуляционного, акустического и лингвистического³), а иногда двустороннего (физиолого-физического и лингвистического⁴) аспекта изучения звуков речи.

Как справедливо отмечает проф. В. Н. Ярцева, «если описание артикуляционной базы и сходных и несходных способов образования в двух языках является исходным моментом для исследования, останавливаться на этом значило бы ограничиваться по существу нелингвистической сто-

⁹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 1, д. 2018, л. 12.

¹⁰ Спутник коммуниста, 1923, № 9—10, стр. 101.

¹¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 1, д. 1967, стр. 117—122.

¹² Там же, д. 1917, л. 104.

¹ Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет. Вопросы языкознания, 1967, № 5, стр. 17.

¹³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 122, оп. 1, д. 67, л. 9—10.

² См. Д. Б. Буранов. К вопросу о методе проведения типологического сопоставления разнотипных языков, в кн.: «Сборник методических материалов по высшему образованию», № 12, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 159—167.

³ См. Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 13.

⁴ Э. Б. Агаян. Введение в языкознание, Ереван, 1960, стр. 104—105.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

6

1978

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

по руководству хозяйственным и социально-культурным строительством, по мобилизации трудящихся на выполнение решений XXV съезда КПСС»⁴⁸.

Наши Советы успешно выполняют эти задачи, умело используя и развивая накопленный ими в ходе строительства социализма богатейший опыт работы, заслуживающий дальнейшего глубокого изучения и творческого применения на современном этапе.

О. Рахимов

⁴⁸ «Правда Востока», 1977 г., 22 декабря.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ РАБОЧИХ-УЗБЕКОВ ЗА ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (По этнографическим наблюдениям)

Одним из важнейших результатов строительства социализма в Узбекистане явилось создание здесь многотысячной армии национальных промышленных кадров. За годы Советской власти в корне изменились условия жизни, труда и быта, материальное положение и культура нашего рабочего класса. Глубокие изменения произошли и в жилищных условиях рабочих-узбеков, о чем красноречиво говорят материалы этнографических наблюдений.

До революции рабочие-узбеки, как и другие представители трудового коренного населения, жили в домах старого, традиционного типа. Это был замкнутый архитектурный комплекс, огражденный от улиц и соседних домов глухой стеной. Он включал жилье и небольшой двор, где располагались кухня и кладовые. Основная жилая ячейка состояла из комнаты (хона), передней (дахлиз) и террасы (айван).

Дома рабочих, как и других бедняков, в большинстве случаев были однокамерными. Конструкция жилища отличалась простотой и выполнялась исключительно из местных строительных материалов, главным образом глины, сырового кирпича. Дома не имели фундамента. Плоская крыша покоилась на деревянных балках (устун), поверх которых растила камыш и насыпала толстый слой земли, а затем крышу смазывали жидкой глиной. Вместо окон в стенах домов делали отверстия, которые закрывали тонкой масляной бумагой. Свет поступал иногда и через отверстия в потолке. Крайне убогим был интерьер жилища со скудным домашним скarbом.

За годы социалистического строительства жилища рабочих-узбеков качественно изменились во всех отношениях. Старые убогие строения ушли в прошлое. Новые дома сочетают в себе достижения современной архитектуры и лучшие национальные традиции, наглядно отражая неуклонный рост материального благосостояния и культуры рабочих, как и всех советских людей.

Эти изменения происходят не сразу, а в процессе постепенной эволюции, с общим развитием архитектуры, градостроительства, в ходе социалистической реконструкции городов Советского Узбекистана.

Так, до середины 30-х годов, когда масштабы жилищного строительства у нас были ограниченными, рабочие, как правило, лишь реконструировали старое жилье, приспособляя его к меняющемуся быту. Изменения типологического характера были еще незначительными.

Это можно показать на примере перестройки обследованного нами традиционного дома рабочего-узбека в начале 30-х годов.

Кадровый рабочий, токарь завода «Чирчиксельмаш» Абил Турсунбаев при реконструкции своего старого дома покрыл земляную крышу шифером, расширил окна, настелил деревянные полы, сделал отделку дома, провел электричество, установил в большой комнате кирпичную плиту. Ликвидировал традиционное деление дома на две половины, он превратил «ташкари» в подсобное помещение.

В рассматриваемый период, как правило, подвергались переделке лишь отдельные конструкции, элементы жилья, причем наряду с местными материалами применялись и новые, промышленные стройматериалы.

Со второй половины 30-х годов рабочие-узбеки все чаще начинают строить новые индивидуальные дома, в которых сочетались элементы старого и нового типа жилья.

Например, шихтовщик маргиланской фабрики «Атлас» С. Хурулбаев в 1936 г. построил новый дом. За основу он взял план традиционного дома, но внес в его конструкцию элементы нового. В прямоугольном плане он разместил две комнаты, террасу и дахлиз (переднюю). Кухня была устроена рядом с основной комнатой, а не в конце двора, как это делалось по традиции. Дом имел кирпичный фундамент, покрытую железом двухскатную крышу, стены комнат каркасные, полы деревянные, потолок обшит фанерой. Дом отапливался русскими печами. Снаружи и внутри он был побелен, пол, двери и окна окрашены. В комнатах были устроены ниши (такча, тахмон) для размещения предметов домашнего обихода. Дом был обеспечен электричеством и водопроводом.

Такие дома смешанного типа были характерны для второй половины 30-х годов

и первых послевоенных лет. Это была переходная форма от традиционного жилья к домам нового типа. Вместе с тем все больше рабочих-узбеков переселились в новые многоквартирные дома, которые строились государством, промышленными предприятиями и др.

В 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, уделивший большое внимание разветвлению жилищного строительства на базе широкой индустриализации строительных работ. С конца 50 — начала 60-х годов, в условиях вступления нашей страны в период развитого социализма, в сфере жилищного строительства происходит крутой перелом.

В промышленных центрах республики, как и всей страны, появляются новые рабочие городки и поселки. В Ташкенте и других городах УзССР выросли целые кварталы благоустроенных многоэтажных домов. Только с 1956 по 1965 г. для рабочих и служащих республики государством, предприятиями, жилищкооперацией было построено 9 819 тыс. м² новой жилой площади¹.

Широкий размах получает и индивидуальное строительство. Только за 1950—1960 гг. рабочими и служащими республики за свой счет и с помощью государственного кредита было построено 7754 тыс. м² жилья². Многие дома возведены методом хашара — товарищеской взаимопомощи родственников, друзей, соседей.

В 60-е годы, с увеличением государственных капиталовложений в жилищное строительство темпы индивидуального строительства начинают снижаться, а государственного — увеличиваться. Коммунальные дома, возводимые за счет государства, строятся индустриальным методом, по типовым проектам. В индивидуальных же домах сохранялись национальные традиции. Но в них было уже и немало новых элементов. Так, рабочие-узбеки начали строить многокомнатные, квадратные в плане (в отличие от традиционных прямоугольных, с помещениями, вытянутыми в один ряд) дома. Жилища нового типа отличаются от традиционных и по строительной технике, конструкции, стройматериалам.

Вместо былой замкнутой архитектуры повсеместно распространяются дома открытого типа, с входом, фасадом и окнами на улицу. Фундамент дома в большинстве случаев заливной, бетонный с кирпичной облицовкой. Стены домов не каркасные, а возведены из жженого или сырового кирпича.

Большие изменения произошли в конструкции крыши и материалах, применяемых для ее изготовления. Теперь крыши в основном строятся двух-, а иногда односкатными, покрываются шифером или железом. Потолки либо оштукатуривают ганчем (чийлампа), либо обшивают фанерой и окрашивают в светлые тона. Полы домов деревянные, окна большие, двойные, двухстворчатые. Окна и двери в большинстве случаев окрашивают голубой масляной краской. Стены белят внутри и снаружи, пол окрашивают в основном желтой масляной краской.

Резко изменился интерьер, внутреннее убранство жилья рабочих-узбеков. Чистые, светлые, уютные комнаты создают надлежащий комфорт. Во многих домах стены комнат, потолки, двери, стенные шкафы украшены национальной росписью, резьбой по ганчу и дереву. Все это придает жилищу оригинальный национальный колорит. Яркие краски и резные узоры украшают ворота, нередко имеющие фигурные навершия в виде звезд, серпа и молота, башни Кремля, голубей и т. п. Карниз дома делают из фанеры и декорируют национальной росписью. Иногда дома со скатной крышей имеют художественно оформленные водостоки и т. д.

Индивидуальные дома рабочих-узбеков сохраняют некоторые особенности национальной архитектуры. Так, к дому пристраивают айван (терраса), который располагается под углом или на одной линии с комнатами. Дома большей частью состоят из 3, 4, а иногда 5 комнат, прихожей и кухни. Зимой обогреваются печами (нередко на газовом топливе), системами парового или водяного отопления. Старинный сандал встречается уже крайне редко.

В быт рабочих-узбеков, живущих в индивидуальных домах, прочно вошли электричество, газ, водопровод (нередко и канализация), современная мебель (зачастую импортная), различные электроприборы и т. д.

В качестве конкретных примеров дадим описание нескольких современных домов рабочих-узбеков.

М. Мирзаматов, сталевар Узбекского металлургического завода им. В. И. Ленина, проживает со своей семьей в г. Бекабаде по ул. Мартена. Свой дом он построил в 1957 г. по типовому проекту. Дом имеет каменно-кирпичный фундамент, стены выложены из сырового кирпича. Крыша четырехскатная, покрыта шифером. Дом состоит из трех комнат: зал (мехмонхона), спальня и детская. Высота комнат — 3 м, площадь зала 4,25×3,6 м, спальни — 3,85×3,6, детской комнаты — 3,05×3,85 м. Окна (с трех сторон дома) двухстворчатые, размером 160×100 см. Окна, двери, деревянные полы, обшитый фанерой потолок окрашены в различные цвета. Стены комнат покрыты трафа-

¹ Народное хозяйство УзССР в 1969 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1970, с. 222.

² Там же.

ретом. С внешней стороны дом оштукатурен. Отопление паровое. На всю длину дома построен айван открытого типа, где вся семья обедает и отдыхает в летнее время. Дом обеспечен электричеством, водопроводом, различными удобствами.

С. Шадманов, высококвалифицированный кадровый рабочий, бригадир штукатуров, живет со своей семьей в рабочем городке Кергили (Ферганская область). В 1957 г. он построил плановый дом из 4 комнат — зал, спальня, детская и рабочий кабинет.

На всю длину дома построен айван, часть которого отделена для кухни и ванной. Фундамент дома выложен из камня и кирпича. Крыша 4-скатная, покрыта шифером. Стены возведены из сырового кирпича, пол деревянный. Потолок обшит фанерой. Пол, окна, двери, стены окрашены в различные цвета. Снаружи дом аккуратно оштукатурен и побелен. Имеются паровое отопление, электричество, газ, водопровод.

Эти и многие другие дома рабочих-узбеков, построенные по типовым проектам, отвечают возросшим бытовым и культурно-эстетическим запросам трудящихся и удачно сочетают в себе элементы национальных традиций с канонами современной архитектуры.

Внешнему виду домов отвечают их интерьеры. Интерьер городского быта в жилищных рабочих-узбеков начал интенсивно формироваться со второй половины 30-х годов. Тогда в домах многих рабочих-узбеков появляются столы, стулья, шкафы, гардеробы, кровати и т. п. В послевоенные годы современная бытовая обстановка прочно утверждается в домах рабочих семей.

С ростом благосостояния и культуры рабочего класса, улучшением жилищных условий происходит все более четко выраженная функциональная дифференциация жилой площади: выделяются отдельные комнаты для супружеской спальни, детской, столовой, зала (мехмонхона), кабинета.

Во многих домах рабочих-узбеков мы видим новейшие мебельные гарнитуры, ковры, паласы, цветные дорожки, сюзане, покрывала, тюлевые шторы, шелковые цветные занавески, портьеры и др. Особое внимание уделяется убранству гостиной (мехмонхона). Нередко органическим элементом интерьера становятся комнатные цветы, со вкусом составленные букеты.

В то же время сохраняются и национальные формы убранства — красивые тюфячки, одеяла, подушки, разложенные вокруг столика на низких ножках (хан-тахта), сундуки, украшенные узорами из цветных металлов, горки красивой посуды и т. п.

В качестве примеров опишем интерьеры домов нескольких семей рабочих-узбеков.

Семья вальцовщика прокатного цеха Узбекского металлургического завода Абдурахмана Ибрагимова (6 человек) имеет индивидуальный дом из трех комнат (зал, спальня, детская). Вход в дом через террасу; перед домом расположен айван. В зале на полу разостлан большой разноцветный ковер, рядом диван-кровать, посреди зала — круглый стол под плюшевой скатертью и шесть стульев. На подставках стоял телевизор «Рекорд» и приемник «Балтика», на стенах — красивые часы и картины. У одной стены во всю ее длину — стеклянный шкаф с восточным орнаментом. В нем хранятся разноцветные шелковые одеяла, тюфячки, подушки, художественная фарфоровая посуда европейского и восточного стиля. На окнах занавески, на дверях декоративные портьеры. Зал освещается большой люстрой.

В спальне две никелированные кровати, между ними ковер, на полу дорожки, на стене ковер, портреты хозяйки и хозяина. Тут же стоят шифоньер, комод, тумбочка с настольной лампой. В углу национальный сундук, на котором сложены одеяла, тюфячки и подушки.

В детской — кровати, на полу дорожки, на стене ковер. Стол, два стула, на столе ваза с цветами, будильник. Тут же этажерка с книгами. На стене — фотокарточки детей и родителей.

В кухне размещены стол, шкаф с посудой, холодильник «Саратов».

Семья Рахимахан Касымовой, ткачихи Ферганского текстильного комбината им. Дзержинского (7 человек), в 1961 г. построила дом из 4 комнат. В зале пол застлан коврами и шерстяными дорожками. Посреди зала стол, покрытый бархатной скатертью, вокруг него шесть стульев. У стен стояли мягкий диван, трюмо, буфет с фарфоровой посудой, телевизор, радиоприемник. Зал освещается люстрой.

В спальне гардероб и две никелированные кровати; на стене — красивое сюзане.

В детской — три кровати, этажерка с учебниками и художественной литературой, стол и два стула. На полу дорожки.

Одна комната убрана в национальном стиле. Пол застлан коврами, вдоль стен постланы тюфячки (курпача). Посреди комнаты хан-тахта, рядом национальный сундук, на нем сложена постель, покрытая сюзане.

На кухне — стол, газовая плита, навесные закрытые шкафы-полки с посудой.

Из года в год улучшается санитарно-гигиеническое состояние жилищ. Они все более отвечают растущим культурно-эстетическим потребностям рабочих семей, наглядно отражают повышение их материального благосостояния, усиление интернациональных начал в быту всех советских людей, стирание социальных различий, а вместе с тем — сохранение лучших национально-бытовых традиций узбекского народа.

Ф. А. Арипов

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

за город. Здесь, за Тезиковой дачей, у железнодорожного переезда, состоялась первая маевка ташкентских рабочих. Помимо железнодорожников, к ней присоединились рабочие других ташкентских предприятий, в том числе рабочие-узбеки с расположенных поблизости кожевенных и кирпичных заводов. Здесь впервые было поднято Красное Знамя, пелись революционные песни, звучали речи, звавшие к борьбе. Яркую речь о значении пролетарского праздника произнес В. Д. Корнюшин.

В тот же день в Кизыл-Арвате, в загородных садах, также состоялась рабочая маевка, причем она проходила настолько конспиративно, что полиция ничего не могла о ней сообщить.

Первые маевки стали событием огромной важности в истории революционного движения в Туркестане. Они свидетельствовали об усилении влияния социал-демократов среди рабочих масс, росте классовой сознательности последних, готовности рабочих к активной политической борьбе против гнета царизма и капитала.

Л. Н. Кравец

ОБ ОТЖИВАНИИ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ У УЗБЕКОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(На этнографическом материале южных областей Узбекистана)

Вопросы большесемейной общины у узбеков южных областей Узбекистана не нашли достаточного освещения в дореволюционной литературе. Эта актуальная проблема привлекла к себе внимание советских ученых-этнографов¹. Однако многие аспекты ее не получили пока должной разработки.

Здесь мы попытаемся на основе литературных, полевых этнографических материалов, собранных нами в результате систематического обследования населения Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана в 1977—1981 гг., показать процесс изживания большесемейной общины у узбеков данного региона.

Семейная община была, как известно, свойственна большинству народов мира, прошедших первобытнообщинную стадию развития. Как отмечал Ф. Энгельс, семейная община «охватывает несколько поколений потомков одного отца с их женами, причем все они живут вместе единым двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода»².

Семейная община³ представляет собой группу, состоящую из трех-пяти, а иногда и более поколений ближайших родственников, как нисходящих, так и восходящих. Сущность ее заключается в совместном, общинном (коллективном) владении домашним скотом, землей, орудиями производства и иным хозяйственным имуществом и совместном его потреблении.

Экономическая и общественная сущность семейных общин, как справедливо отмечается в литературе, складывается из «коллективной собственности, коллективного производства и коллективного потребления»⁴.

В Узбекистане к концу XIX — началу XX в. большесемейный уклад пережиточного характера сохранился в наиболее изолированных, отдаленных районах Бухарского ханства⁵, куда входила и территория нынешних южных областей УзССР.

В этих областях нами также зафиксирован для того времени ряд случаев пережитков большесемейной общины. В дореволюционный период в разных местах данного региона она обозначалась различными терминами: в сел. Катаган Ульяновского района — «один котел» (бир козон), в сел. Гувалак Касанского района — «большой котел» (катта козон), в сел. Чайдари Яккабагского района — «дом отца» (ота уйи), в сел. Каучин Нишанского района — «большое хозяйство» (катта рузгор), в сел. Кургантепа Шахрисабзского района — «куча» (тода-туда) и т. д. Нами выявлен ряд существовавших в прошлом таких семей по Кашкадарьинской области: в сел. Майманаке — 19, в Камилане — 15, в Катагане — 24, в Касби — 9, в Капамесите — 9, в Уйрате — 4, в Ходжахайране — 6, в Байдокчи — 9, в Аргине — 3, в Каттакургане — 8, в Баташе — 5, в Каучине — 18, в Савлигаре — 16, в Зангтепе — 7

¹ Потапов Л. П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков-кунградов. — Научная мысль, Ташкент, 1930, № 1; Шапиезов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; Борозна Н. Г. К вопросу о формах семьи у полукочевых узбеков (На материалах узбеков-дурменов). — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана, М., 1978, с. 41—54.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 62.

³ В этнографической литературе семейные общины именовались различными терминами: «большая семья», «большая патриархальная семья», «нераздельная», или «неразделенная семья», «соединенная», «сложная», «сводная семья», «семейная и большесемейная община», «домовая или домашняя община». Наиболее удачны, по мнению М. О. Косвена, термины «семейная община» и «большая семья». См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 6.

⁴ Косвен М. О. Семейная община. — Советская этнография, 1948, № 3, с. 12.

⁵ Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. — Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. 74, М.—Л., 1962, с. 153.

и др. О былом существовании их нам подробно рассказали старейшие жители этих районов.

Большая патриархальная семья объединяет представителей нескольких поколений, ведущих свое происхождение от одного отца (бир ота болалари). В семейной общине «Кудрат тудаси» из рода чуют в сел. Кургантепа (Шахрисабзский район Кашкадарьинской области) в начале XX в. было 35 членов. В их хозяйстве имелись 450 голов овец, 30 — крупного рогатого скота, 4 верблюда, 2 табуна лошадей, 3 пары рабочих волов, 3 коня, 10 ослов, 30 танапов поливных земель (оби ер), 40 танапов богарных земель (лалми ер), маслобойка (жувоз) и т. д. Все необходимое для семьи покупал глава семьи Кудрат-бува, иногда выполнял эту работу старший сын Дустмурад.

Основным признаком большой семьи (туда) было ее экономическое единство. Члены семьи выполняли общие хозяйственные работы, но практически земля, скот, домашнее имущество и жилище принадлежали главе семьи.

Взрослые сыновья имели свои семьи, но фактически подчинялись отцу как в материальном, так и в духовном отношении. Все заработки членов семьи поступали в общую «семейную кассу», которой также распоряжался глава семьи, а ключи от сундуков находились у матери.

Каждый член семьи как мужского, так и женского пола выполнял в хозяйстве определенную работу. Мужчины в основном занимались земледелием, орошением, скотоводством, а женщины — домашним хозяйством, детьми, но иногда принимали участие и в сборе урожая, жали пшеницу, заготавливали клевер, косили траву. В свободное от сельхозработ время они занимались ткачеством, прядением шерсти, шитьем и т. д.

Большая семья, существование которой было обусловлено преобладанием натурального хозяйства, почти целиком обеспечивала себя всеми видами продуктов, отчасти одеждой и различным инвентарем. Предметы домашнего обихода изготовлялись по мере возможности ручным способом, силами членов семьи.

Количество членов в больших семьях было различным. Например, большие семьи у узбеков-карлуков Касанского района Кашкадарьинской области и Шурчинского района Сурхандарьинской области насчитывали до 25—30 и более членов⁶, у узбеков-дурменов Сурхандарьинской области — от 10 до 25 человек⁷.

По рассказам Ташбека Раимова из сел. Сайдабад Шерабадского района Сурхандарьинской области, в 1910 г. самой большой в данном селении считалась семья Юлибая, в которой совместно проживали 42 человека. Всеми доходами распоряжался сам Юлибай, который по своему усмотрению расходовал их для покупки одежды, инвентаря и др.

Постепенно наряду с общим семейным бюджетом у отдельных членов семьи накапливались и свои сбережения (в виде денег, ценных предметов), приобретенные их личным трудом вне семьи. Многие члены больших семей с поздней осени до ранней весны уходили на заработки. При этом часть доходов они обязаны были вносить в общий бюджет семьи.

Наш информатор Рахмат Джумаев из Хтайкишлака Мубарекского района Кашкадарьинской области рассказывал, что в их семье было около 35 человек. Сам он работал в доме крупного бая в кишлаке Хайтбай и ежегодно получал за это 200 танга и полный комплект одежды с питанием, причем 100 танга непременно отдавал своему отцу. В то же время в зажиточных семьях, особенно у торговцев, сыновья, участвуя в торговых операциях отца, получали некоторые возможности для собственного предпринимательства, дававшего им определенный самостоятельный капитал.

Частичное присвоение побочных доходов отдельными членами семьи повлияло им создавать свою, «малосемейную» собственность. Кроме того, в собственность каждой малой семьи входило и приданное жены (сеп). Сеп постоянно пополнялся за счет подарков главы семьи и мужа, и жена сама распоряжалась этими вещами. Итак, в семейных общинах данного типа нарастало противоречие между общественным и частным присвоением.

Одним из основных атрибутов большесемейных общин был «маслахат» — семейный совет, на котором решались самые важные внутрисемейные вопросы. В нем участвовали, помимо главы семьи, все женатые сыновья, но решающее слово принадлежало главе семьи. Так обсуждались особо важные вопросы, как женитьба сына, внука, выдача девушек замуж, семейная помощь родственникам и др. Надо сказать, что вначале семьи делились лишь после смерти отца. Со временем, однако, разделы начали происходить сразу же после вступления в брак последнего сына. Этот вопрос решал совет старейшин — «маслахат».

В начале XX в. в сел. Улус (Сарнаский район Сурхандарьинской области) в большой семье Эшбекбая проживали 50 человек. Когда жена главы семьи умерла, внутренними делами стала распоряжаться ее дочь Гульбувайчица. Число членов семьи росло, и Эшбекбай решил разделить семью. Сначала он выделил младшего брата Халмирзу, а потом сыновей: Бурибая, Джурабая, Акмирзу и Карабая, а сам остался жить со средним сыном Саманом.

⁶ Шаниязов К. Ш. Указ. соч., с. 137.

⁷ Борозна Н. Г. К вопросу о формах семьи у полукочевых узбеков (На материалах узбеков-дурменов). — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана, М., 1978, с. 45.

Если отец по той или иной причине выделял из общего хозяйства одного из сыновей, то скот он распределял по собственному усмотрению. Обычно, если все обходилось мирно, отец давал сыну 4—5 баранов, но мог вообще ничего не дать, и сын не имел права жаловаться на отца даже аксакалам.

В сел. Ходжахайран (Ульяновский район Кашкадарьинской области) в 1914 г. в большой семье Халмирзабува проживали четверо сыновей: Насрулла, Назрулла, Араббай и Чари. Халмирзабува посоветовавшись со старейшинами своего топа, решил разделить семью. Насрулле, Назрулле и Араббаю он выделил некоторое количество скота и инвентаря, а сам остался жить с младшим сыном Чари.

В случае смерти главы семьи мать-вдова могла по своему желанию присоединиться к любому сыну; как правило, она оставалась с младшим. Таким образом, младший сын был основным наследником отца, и вся утварь как олицетворение домашнего очага доставалась ему, остальные сыновья не могли претендовать на какие-либо предметы домашней утвари.

Выделившиеся из больших семей жили и вели хозяйство раздельно, но поддерживали между собой самые тесные контакты, помогая друг другу, совместно участвуя в отправлении различных обрядов, традиций и др. Например, тело умершей женщины, отданной замуж в чужую семью, перевозили на то кладбище, где была похоронена ее мать. Так, кладбищем, на котором хоронили членов семьи Джура-бува, из кишлака Катаган (Касанский район), было «аулия», или Тура мачит-бува. Женщин из семьи Джура-бува хоронили только на этом кладбище, а женщин, взятых из чужих семейств, как правило, хоронили на «аулия» их матерей. В Тура мачит-бува мы видели места и границы захоронения отдельных групп родственных семей.

После смерти Джура-бува семью возглавил младший сын Байназар. Все семейные доходы поступали к нему. Злоупотребляя своими функциями, он не давал пользоваться ими другим членам семьи, а в конце концов ушел в Мекку, забрав с собой «семейную кассу». В результате большая семья постепенно распалась, разделившись на несколько малосемейных очагов.

Процесс разложения большой семьи стал особенно интенсивным с проникновением и развитием среди сельского населения изучаемого региона товарно-денежных отношений, формированием частной собственности⁸. Проникновение капитализма в экономику колониальной Средней Азии вело к разложению натурального хозяйства, разрушению патриархальной замкнутости. Как отмечал К. Маркс, капиталистические отношения разрушили вместе с феодальным базисом и его старые семейные отношения — патриархальную семью⁹. В. И. Ленин на конкретных примерах убедительно показал, как российский капитализм втягивал окраины страны в мировое товарное обращение, нивелировал местные особенности — остатки старинной патриархальной замкнутости¹⁰.

Все это наглядно видно на материалах изучаемого региона. Правда, вследствие изолированности степных районов от внешнего мира и общей социально-экономической отсталости Бухарского ханства процесс разложения большой семьи в исследуемом регионе шел гораздо медленнее, чем в других районах Узбекистана. Но и здесь постепенно происходило изживание большесемейных общин.

Процесс этот завершился после победы Великого Октября, когда в условиях социалистического строительства патриархальные традиции стали интенсивно уходить в прошлое, и в качестве основной формы узбекской семьи прочно утвердилась малая индивидуальная семья, типичная для всех народов СССР.

А. Буриев

⁸ См.: Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 46.

⁹ Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1975, с. 500—501.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

К ИСТОРИИ РУССКО-БУХАРСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(Первое посольство Ирназара Максютובה в Россию)

В истории русско-бухарских экономических и политических отношений второй половины XVIII в. особый интерес вызывают посольства Ирназара Максютובה в Россию. Это обусловлено прежде всего тем, что они способствовали возобновлению после значительного перерыва дипломатических отношений, дальнейшему развитию торговых связей между обеими странами. Вызывает интерес и личность самого посла, который, будучи образованным и умным человеком, проявил себя активным сторонником сближения Бухары с ее могучим северным соседом.

Достоверно известно, что до выполнения дипломатических поручений муллы П. Максютובה неоднократно посещал Россию с торговыми целями и оказывал различные услуги императорскому двору.

Первые сведения о его посольстве содержатся в донесении астраханского губернатора П. И. Кречетникова в коллегию иностранных дел. Губернатор писал, что получил из Мангышлака от муллы И. Максютובה письмо от 15 июля 1774 г., которым тот извещал, что направляется во главе бухарского посольства в Россию и просил выслать для него судно.